

Научная статья
УДК 340.5 34.023
DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/170-185>
EDN: <https://elibrary.ru/OBZZSH>

О вопросах теории правового статуса на примерах участников отношений в сфере реализации репродуктивных прав человека

Пурге Анна Роландовна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** Статья посвящена теоретическому анализу правового статуса участников отношений в сфере реализации репродуктивных прав человека. Цель исследования: выявить вопросы теории и практики соотношения конституционно-правового и семейно-правового регулирования отношений в сфере человеческой репродукции. Методологическая основа настоящего исследования представлена совокупностью таких методов научного познания объективной правовой действительности, примененных в ходе подготовки и написания, как: наблюдение, выборка, функциональный, структурный, формально-догматический. Выявлены существующие вопросы соотношения конституционно-правовых и семейно-правовых норм в сфере отношений по репродукции человека, определены общие подходы к их исследованию, предложены некоторые пути их решения. Сформулированы выводы: признание Российской Федерацией закрепленного во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. права человека на основание собственной семьи и растущие потребности в защите этого права требуют систематического, на законодательном уровне, урегулирования отношений в сфере человеческой репродукции.*

***Ключевые слова:** Всеобщая декларация прав человека 1948 г., право человека на основание собственной семьи, репродуктивные права человека, вспомогательные репродуктивные технологии, иерархия нормативных актов, донорство, суррогатное материнство, потенциальные родители, генетические родители*

***Для цитирования:** Пурге А. Р. О вопросах теории правового статуса на примерах участников отношений в сфере реализации репродуктивных прав человека // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 2. С. 170–185. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/170-185>. EDN: <https://elibrary.ru/OBZZSH>*

Original article

On the relationship between constitutional and family law in the field of human reproductive rights

Anna R. Purge

Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

***Abstract.** This article provides a theoretical analysis of the legal status of participants in relationships involving the exercise of human reproductive rights. The objective of the study is to identify theoretical and practical issues relating to the relationship between constitutional and family law regulation of relationships in the area of human reproduction. The methodological basis of this study*

© Пурге А. Р., 2026

is represented by a set of such methods of scientific knowledge of objective legal reality, applied during the preparation and writing, as: observations, samples, functional, structural, formal-dogmatic. As a result, existing issues of the relationship between constitutional and legal norms and family law in the sphere of human reproduction relations were identified, general approaches to their study were defined, and some ways of solving them were proposed. The following conclusions have been drawn: the recognition by the Russian Federation of the human right to found one's own family, as enshrined in the Universal Declaration of Human Rights of 1948, and the growing need to protect this right require systematic, legislative regulation of relations in the area of human reproduction.

Keywords: *Universal Declaration of Human Rights 1948, human right to found one's own family, human reproductive rights, assisted reproductive technologies, hierarchy of normative acts, donation, surrogacy, intended parents, genetic parents*

For citation: *Purge A. R. On the relationship between constitutional and family law in the field of human reproductive right // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 2. P. 170–185. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/170-185>. EDN: <https://elibrary.ru/OBZZSH>*

Введение

Одной из основных общественных и государственных проблем в России, возникшей с начала 90-х гг. прошлого века, стала низкая, т. е. недостаточная для простого воспроизводства населения, рождаемость [1]. Результатом этого процесса является стабильное (с учетом миграционных притоков) за последние 35 лет состояние численности российского населения, тогда как численность населения в остальном мире за этот же период выросла в два раза (и поныне его годовой прирост положительный, причем рождаемость (примерно 362 тыс. человек) более чем вдвое превышает смертность (примерно 172 тыс. человек) [2]) [3]. Российское государство, как представляется, верно определило и фундаментальную значимость, и злободневность, и остроту данной проблемы, однако, стремясь ее разрешить, сосредоточило основные усилия на экономических аспектах положения семьи и женщин, преимущественно – на социальной поддержке материнства и детства (п. 5 разд. II Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. [4]), упуская необходимость повышения их юридической защищенности, т. е. обеспеченности прав гарантиями – правовыми механизмами реализации и защиты этих прав.

К числу базовых правовых гарантий отцовства и материнства (и, возможно, является самой важной гарантией) относится само установление права на отцовство и материнство, т. е. права на основание собственной семьи. Впервые оно состоялось в 1948 г. (части первая и третья ст. 16 Всеобщей декларации прав человека [5]), в более ограниченном содержании было повторено в ст. 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [6], а впоследствии в различных редакциях и в национальных законодательствах. Это право, естественное по своей юридической природе, хотя и отмечено в Конституции России (посредством закрепления в ст. 7 и 72 [7] обязанности защиты государством статусов «отцовства» и «материнства»), до сих пор не получило комплексного исследования: в частности, в науке отсутствует не просто полный, а хотя бы развернутый перечень правомочий, вытекающих из данного субъективного права, не говоря уже об их системном изложении в конституционной доктрине и тем более о норма-

тивном развитии. Между тем именно это право реализуется российскими гражданами и в момент заключения брака, и в момент рождения ребенка или приобретения статуса родителя в иной правовой форме.

Отсутствие конституционно-правового закрепления общих условий и процедур основания гражданином собственной семьи не имеет проблемного значения для таких естественных или традиционных его форм, как заключение брака, рождение или усыновление ребенка, поскольку эти формы в достаточной мере урегулированы семейным законодательством. Однако в случаях, когда для реализации этого права лицо вынуждено использовать вспомогательные репродуктивные технологии, возникает целый комплекс правовых вопросов, на которые у законодателя нет ясного для судебной практики ответа.

С позиций субъективного права человека на основание собственной семьи посредством использования вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) в отечественном законодательстве существует, с одной стороны, множество запретов и ограничений, препятствующих осуществлению этого права, с другой – принципиальные допущения и, сравнительно с западноевропейским регулированием, свободное использование таких технологий, как суррогатное материнство, репродуктивное донорство.

Предметом исследования теории правового статуса участников отношений в сфере реализации репродуктивных прав человека выступает комплекс правовых норм, регулирующих положение субъектов в рассматриваемых общественных отношениях, их права, обязанности, гарантии и ответственность.

Научная значимость работы обусловлена постановкой вопроса о необходимости единой, с учетом корреляции конституционно-правовых и семейно-правовых норм, сформированной концепции репродуктивных прав.

Перед исследованием были поставлены *задачи*:

- определить, как были закреплены репродуктивные права человека в международном (в том числе в международном частном) праве и степень их влияния на российский институт репродуктивных прав;
- определить источники закрепления репродуктивных прав человека, их иерархию и сформулировать проблему фиксации и типизации правового статуса потенциальных родителей;
- проанализировать складывающиеся в сфере ВРТ отношения с точки зрения теории правового статуса их участников.

Основная часть

Формы права, регулирующие отношения в сфере репродукции человека, с точки зрения их иерархии, т. е. с точки зрения общей теории права, составляют отдельную проблему, поскольку состоят они преимущественно не из законодательных, а из подзаконных актов.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны

и безопасности государства. Таким образом, независимо от основания ограничения (их всего 4 группы) они могут быть установлены лишь законодательно.

Данные законодательные ограничения были установлены ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ [8]. Прежде всего, этот ФЗ устанавливает общее допущение: «мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство». Что же касается ограничений, они, как и предполагает Конституция РФ, определены в качестве изъятий из этого общего правила; связаны со следующими обстоятельствами:

– отсутствие брачного статуса у пары. Согласно второму предложению ч. 3 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ, право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на пару (эмбрион) мужчины и женщины, которые не состоят в браке;

– отсутствие брачного статуса у мужчины. В то же время, согласно третьему предложению ч. 3 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ, «одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство»;

– указание ч. 9 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в качестве условия для применения ВРТ в форме суррогатного материнства) на невозможность для одинокой женщины, половые клетки которой использовались для оплодотворения, вынашивать и родить ребенка по медицинским показаниям. Следовательно, законодательное ограничение на применение суррогатного материнства установлено для одиноких женщин, для которых вынашивание и рождение ребенка по генетическим показаниям возможны;

– возраст. Согласно ч. 7 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ, «быть донорами половых клеток имеют право граждане в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет»;

– физическое здоровье, формальным признаком которого является прохождение лицом медико-генетического обследования (ч. 7 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ). Очевидно, что в данном случае законодатель подразумевает не факт прохождения процедуры обследования как таковой, а итоговый результат этой процедуры – положительное заключение врачей, проводивших это обследование, о наличии возможности для физического лица быть донором половых клеток;

– психическое здоровье, формальным признаком которого также является прохождение (т. е. наличие положительного заключения) медико-генетического обследования.

При всей дискуссионности некоторых из названных ограничений нельзя не признать, что все они установлены законодательно, т. е. выдерживают формальное конституционное условие о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены лишь федеральным законом. Однако проблема, как представляется, состоит в том, что, наряду с этими законодательными ограничениями, ряд нормативных правовых актов в Российской Федерации содержат

дополнительные ограничения применения ВРТ, не установленные законодательно. Эти нормативные акты, в силу своей подзаконности (и, следовательно, невозможности устанавливать какие-либо ограничения прав человека) носят название «порядков», что предполагает их не правоустанавливающий, а лишь процедурный характер, т. е. закрепление ими лишь некоторых процедур реализации установленных законодательством прав. Например, второе предложение ч. 9 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ устанавливает, что «порядок установления потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери определяется Правительством Российской Федерации». Правительством Российской Федерации этот «порядок» назван иначе – Правилами [9], но законодатель предполагает установление этими Правилами именно процедур реализации репродуктивных прав, а не дополнительных оснований или условий, ограничивающих эти права.

«Порядком» назван законодателем и один из основных нормативных правовых актов, регулирующий применение ВРТ. Согласно ч. 2 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ, «порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти», и этот порядок утверждался Минздравом РФ в 2003, 2012 и 2020 гг. [9].

Однако проблема состоит в том, что, наряду с «порядком» применения ВРТ, законодатель допустил установление подзаконным актом (приказом) Минздрава РФ также и «ограничения к применению» ВРТ, не уточнив при этом, что подобные ограничения могут быть только медицинскими (но не правовыми).

В результате данные приказы собрали в своем содержании и правовые, и медицинские ограничения, которые, как отмечалось, могут быть установлены лишь законом. Такие ограничения не всегда оказывались правомерными. Например, к числу попыток подзаконных ограничений, которую сложно признать удачной, относится запрет на применение ВРТ для мужчин с онкологическими заболеваниями. Это ограничение было установлено в ранее действовавшем приказе Минздрава РФ от 30.08.2012 № 107н (п. 1 раздела «Новообразования» в Перечне противопоказаний к проведению базовой программы вспомогательных репродуктивных технологий) [10]. Смысл этого ограничения не вполне понятен, однако по последним данным (2022 г.) известно, что «в совокупности 22 % мужчин с диагнозом рак яичек в анамнезе, желающих иметь ребенка, будут нуждаться в применении вспомогательных репродуктивных технологий», а «недостаточная осведомленность молодых мужчин и врачей общей практики как о самом заболевании, так и о необходимости позаботиться о репродуктивном потенциале до начала специального лечения, является частой причиной... потери фертильности» [11, с. 44]. Юридический анализ этой ситуации еще в 2017 г. провела Р. А. Торосян, которая, оценив с этой точки зрения приказ Минздрава РФ от 30.08.2012 № 107н, заключила, что «непредоставление мужчинам, имеющим онкологическое заболевание, права использования вспомогательных репродуктивных технологий, влечет к дискриминации мужчин по состоянию здоровья» [12, с. 12], что подпадает под конституционные и международно-правовые

запреты дискриминации. Иначе говоря, сама декларируемая законодателем возможность установления каких-либо ограничений подзаконным актом приводила, как следствие, к тому или иному нарушению репродуктивных прав человека.

В науке о правах человека отсутствует единая точка зрения на природу вспомогательных репродуктивных технологий. Так, по мнению С. В. Алборова, «вспомогательные репродуктивные технологии являются гарантией права семьи на репродуктивный выбор» [13, с. 85]. Такое утверждение представляется сомнительным сразу в двух отношениях.

Во-первых, вспомогательные репродуктивные технологии не могут рассматриваться в качестве ни одной из «гарантий». Гарантия – термин, отражающий один из элементов правового статуса лица, или «статутной корзины», т. е. набора правовых средств правотворческой техники, которыми устанавливается модель поведения субъекта права. Функция гарантий как правовых средств – обеспечить положительное, эффективное, бесперебойное действие других элементов «статутной корзины» – прав и обязанностей субъекта. С точки зрения инструментальной теории права «это система средств и методов юридического воздействия, при помощи которых обеспечивается неуклонное соблюдение законности во всех сферах общественной жизни» [14, с. 52], или «все правовые средства, обеспечивающие реализацию прав и свобод человека и гражданина» [15, с. 256]. Иначе говоря, гарантия может рассматриваться не в качестве абсолютно самостоятельного элемента правового статуса, а как разновидность субъективных прав, или прав, или притязание «особого рода», так же как, например, ответственность в конструкции правового статуса может рассматриваться как обязанность «особого рода». Между тем вспомогательные репродуктивные технологии имеют не гарантийно-правовую, а техническую (технологическую) природу, никак не относясь к сфере юриспруденции.

Вспомогательные репродуктивные технологии, согласно ч. 1 ст. 55 ФЗ № 323-ФЗ, рассматриваются законодателем как «методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство». По другому определению «современные вспомогательные репродуктивные технологии – собирательное название медицинских технологий, методов лечения и процедур» [16]. В качестве «методов терапии бесплодия» (терапевтических как разновидности медицинских методов) это понятие определяет О. Ю. Худякова [17, с. 83]. Другими словами, вспомогательная репродуктивная технология (та или иная) – лишь техническое, технологическое, медицинское средство, или набор медицинских методик и методов реализации репродуктивного права («методы», по мнению С. В. Алборова [13, с. 85]), а не правовое средство, не «гарантия» в ее юридическом смысле. В противном случае сам по себе факт развития этих технологий, или набора методов, уже означал бы изменение данных гарантий. Получается, что сегодня мы имеем одну по содержанию гарантию, а завтра – с развитием этой технологии – уже другую. Такой подход нарушал бы

не только равенство прав на использование ВРТ, но и стабильность правового регулирования. Иначе говоря, ни содержание права на ВРТ, ни гарантии данного права не должны оказаться в зависимости от технического, биологического, химического или иного фактического содержания или степени развития самой технологии. Вспомогательная репродуктивная технология может быть не гарантией, а, скорее, объектом данного права или его гарантии.

Во-вторых, соматические права, разновидностью которых являются права репродуктивные, – разновидность (что особенно для выявления данной ошибки следует подчеркнуть) личных прав, т. е. прав человека, которые по определению являются правами одного индивида – физического лица или правами человека (*homo sapiens sapiens*), а не коллектива (в любом его качественном состоянии и количестве). Поэтому субъективное право репродуктивного выбора не может рассматриваться как «право семьи» или «права семьи» (которые декларирует С. В. Алборов); оно относится к правам именно человека, т. е. одного человека, или «личности», как и все иные права из группы личных прав.

Другая группа вопросов связана с правовым статусом потенциальных родителей. С точки зрения процесса формирования человека посредством вспомогательных репродуктивных технологий первоначальным (или, если можно так сказать, «стартовым») для отношений родительства является понятие потенциального родителя. Впервые оно появилось в п. 9 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ и было связано с понятием суррогатного материнства. Согласно последней редакции этого ФЗ, потенциальные родители – лица, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокая женщина, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям. Затем это же понятие было перенесено в абз. 1 п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 [18]. В 2023 г. Правительством РФ были приняты Правила установления потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери, после чего оно окончательно закрепилось в нашем законодательстве [9].

С 2011 г. понятие потенциальных родителей распространяется и в юридической литературе. В частности, в 2014 г. в предлагавшемся проекте Федерального закона «О суррогатном материнстве в Российской Федерации» понятие «потенциальные родители» определяется (п. 4 ст. 2 проекта) как «супружеская пара, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, которая использует программу суррогатного материнства для преодоления бесплодия». К данному определению можно сделать некоторые замечания (например, брак может быть зарегистрирован и в порядке, который не предусмотрен законодательством Российской Федерации, но признается им, что относится к случаям заключения брака за рубежом, которые признаются в Российской Федерации), но основным признаком авторы считают использование (вступление) программы суррогатного материнства для преодоления бесплодия.

Прежде всего, следует отметить, что указанное понятие не полностью отражает статус потенциального родителя: в данном законопроекте он определяется лишь в целях урегулирования отношений суррогатного материнства (распро-

страняется лишь на эту технологию), тогда как фактически статус потенциального родителя может быть распространен на любую (или на все на данный момент известные) технологию ВРТ [19].

Однако главным отличием этого понятия от действующего является признак вступления в программу ВРТ (использования программы ВРТ). В 2014 г. было предложено (в качестве основного признака потенциального родительства) использование программы ВРТ, тогда как законодатель в качестве главного признака потенциального родительства определил использование половых клеток этих родителей. В этой связи целесообразно провести различие между двумя названными признаками.

Во-первых, вступление в программу ВРТ «сдвигает влево» понятие потенциального родителя во времени, поскольку оно по общему правилу предшествует изъятию у него половых клеток. Иначе говоря, срок приобретения статуса потенциального родителя определяется моментом заключения договора о лечении бесплодия посредством использования ВРТ, а не моментом изъятия у него половых клеток и их использования.

Во-вторых, и это – главное, если в законопроекте момент возникновения правового статуса потенциального родителя определен моментом заключения договора (или моментом вступления в программу использования ВРТ), т. е. моментом совершения правового акта (сделки), то в действующем законодательстве – фактическими действиями (одним из действий, направленных на исполнение этого договора, или условий этой программы, – передачей половых клеток услугодателю – медицинской организации и их реальным использованием в целях оплодотворения).

Другими словами, если в законопроекте моментом приобретения статуса потенциального родителя является правовой акт – заключение договора об использовании ВРТ, то в законе – фактическое использование половых клеток физического лица. Такое сравнение приводит к выводу о наличии в законодательном определении того недостатка, что момент возникновения статуса потенциального родителя не определен в достаточной мере четко, поскольку зависит от действий третьих лиц и, в частности, от исполнения медицинской организацией и суррогатной матерью своих обязательств по имплантации эмбриона. Не в полной мере такой подход позволяет и защитить права потенциального родителя в силу отсутствия у него такого статуса в период между передачей гамет и имплантацией созданного на их основе эмбриона суррогатной матери.

Проблема состоит в том, что если передача мужских гамет не представляет собой сложности, то процедура передачи женских гамет, как известно, крайне рискованна для здоровья женщины. Такая процедура «может повлечь различные осложнения: наружное и внутреннее кровотечения, синдром гиперстимуляции яичников, острое воспаление или обострение хронического воспаления органов женской половой сферы, аллергические реакции, связанные с введением препаратов для индукции суперовуляции и поддержки лютеиновой фазы стимулированного менструального цикла» [20, с. 172]. Поэтому признание женщины лишь собственной ооцитом (до момента имплантации созданного на их основе эмбриона)

не в полной мере позволяет защитить ее права, тогда как признание ее статуса потенциального родителя сразу после физиологического отчуждения ооцитов позволяет придать ему дополнительные средства защиты, не характерные для собственника вещи, но расширяющие объем средств его правовой защиты. В частности, к числу таких средств можно отнести требование о возмещении морального вреда, причиненного недобросовестными действиями суррогатной матери или лица, обязавшегося стать суррогатной матерью.

Таким образом, более правильным, т. е. позволяющим в более полном объеме защитить права вступившего в ту или иную программу ВРТ лица, было бы признание за ним статуса потенциального родителя не на момент имплантации сформированного на основе его гамет эмбриона, как это сделал законодатель, а ранее – на момент, когда эти гаметы были у него физиологически отчуждены.

В литературе предлагаются и иные изменения в правовой статус генетических родителей. Так, один из авторов предлагает изъять из него право иска об установлении отцовства по отношению к донору: «Мать ребенка, родившегося в результате применения методов применения методов вспомогательных репродуктивных технологий, не вправе предъявлять исковое заявление об установлении отцовства к мужчине, явившемуся донором» [20, с. 88]). Думается, что такое изъятие недопустимо, и вот почему.

Во-первых, установление подобного запрета в законодательстве (подобно запрету, например, мужчине предъявлять иск о расторжении брака к женщине в период беременности и в течение года после рождения ребенка – ст. 17 Семейного кодекса РФ [21]) означало бы исключение такой возможности и для ситуаций, когда зачатие произошло в период ее половых отношений с донором. Формальное подписание женщиной соответствующего договора об оказании медицинской организацией медицинских услуг, связанных с применением ВРТ, и даже их применение не могут исключить иного развития событий (фактических отношений женщины и донора), в результате которых был зачат ребенок. На уровне исключения данного права из гражданской процессуальной правоспособности женщины, подписавшей договор о ВРТ или даже применившей их, запрещать обращение с подобным иском не представляется допустимым.

Во-вторых, данное суждение содержит в себе внутреннее противоречие. Если запретить для матери такого ребенка обращение с иском об установлении отцовства, возникает вопрос: как мы можем установить достоверно, что ребенок родился именно в результате применения методов ВРТ, а не в результате других обстоятельств, связавших его мать и донора? Обстоятельства, связанные с рождением ребенка в результате применения ВРТ, есть предмет доказывания по данной категории дел. Следовательно, запрещать матери ребенка, родившегося в результате применения методов ВРТ, обращение с иском в суд – значит заранее, без проведения судебного разбирательства, предрешать вывод о том, что данный ребенок родился именно в результате применения методов ВРТ, а не в результате действия других причин. Таким образом, возникает противоречие: с одной стороны, причинно-следственная связь между применением ВРТ и рождением ребенка может быть установлена лишь итоговым судебным актом, с другой –

именно этот акт не может быть вынесен вследствие предлагаемого изъятия из статуса роженицы права на обращение с иском об установлении отцовства.

Таким образом, предложение об изъятии из правового статуса матери ребенка, родившегося с использованием ВРТ, права на обращение с иском в суд об установлении отцовства донора не только исключает возможность возникновения фактических жизненных ситуаций, при которых такое обращение необходимо, но и внутренне противоречиво юридически, поскольку исключает предъявление иска на той основе, которая еще только подлежит установлению и проверке в суде.

Следующая группа вопросов связана с суррогатной матерью – субъектом, с одной стороны, отстоящим от ребенка наиболее далеко, так как не имеет с ним ни генетической, ни юридической (за исключением секундарного правомочия, связанного с дачей согласия на запись генетических родителей родителями ребенка) связи. С другой стороны, без суррогатной матери реализация многих ВРТ (в зависимости от диагноза бесплодия супружеской пары или женщины) оказывается невозможной. На основе этой связи строятся все определения понятия суррогатной матери.

Так, согласно ч. 9 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ, суррогатная мать – женщина, вынашивающая плод после переноса донорского эмбриона. Применительно к понятию суррогатной матери родовый признак этого понятия – женщина, а также три видовых:

- перенос ей эмбриона;
- донорское происхождение эмбриона;
- состояние вынашивания плода.

Проблему представляет третий из признаков. Дело в том, что такое понятие суррогатной матери во временном аспекте основано на ее состоянии беременности, т. е. на вынашивании ей, хотя бы и чужого, плода. Кажется бы, это предопределяет и момент начала ее правового статуса (имплантация эмбриона), и момент его прекращения (роды, в том числе преждевременные).

Однако проблема третьего признака состоит в том, что он не в полной мере точно отражает правовой статус суррогатной матери. Иначе говоря, все понятие суррогатной матери не корреспондирует ее правовому статусу. Различие между законодательным понятием суррогатной матери и ее правовым статусом состоит в термине «вынашивающей» (глагол несовершенной формы).

Во-первых, признак вынашивания не вполне соответствует моменту возникновения правового статуса суррогатной матери. Так, после заключения договора о суррогатном материнстве женщина, обязавшаяся стать суррогатной матерью, уже, т. е. до имплантации эмбриона, начинает выполнять определенные обязанности: явка к врачу-специалисту в установленные сроки и соблюдение данных врачом медицинской организации, где будет проходить имплантация эмбриона, медицинских рекомендаций (которые, хотя и именуются «рекомендациями», в силу заключенного договора суррогатного материнства становятся для суррогатной матери обязательными для исполнения) об образе жизни (в первую очередь, отказ от вредных привычек), о режиме питания, приеме необходимых перед началом беременности препаратов. Исходя из законодательного

определения вынашивания, женщина начинает выполнять обязанности суррогатной матери, еще не начав вынашивать ребенка [21]. Это означает, что с точки зрения момента возникновения правового статуса суррогатной матери определение ее понятия не корреспондирует ее правовому статусу.

Во-вторых, признак вынашивания не соответствует моменту прекращения статуса суррогатной матери. Из этого признака следует, что после родов суррогатная мать перестает быть таковой (по ее законодательному определению). Однако права суррогатной матери, в первую очередь право дачи согласия на запись генетических родителей в качестве родителей рожденного ею ребенка, она реализует именно после «вынашивания», т. е. после родов. Таким образом, если по определению понятия суррогатной матери после вынашивания плода она уже не относится к таковой, то по набору ее прав в отношении рожденного ребенка она продолжает сохранять свой статус до момента государственной регистрации его рождения (записи его генетическими родителями в органах ЗАГС). Это означает нарушение корреспонденции между определением понятия суррогатной матери, как оно дано в ч. 9 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ, и моментом прекращения ее правового статуса, как он вытекает, в частности, из п. 5 ст. 16 ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ [22].

Таким образом, можно сделать вывод о целесообразности отказа от законодательного признака фактического вынашивания ребенка и его замене юридическим признаком – признаком заключения договора о вынашивании ребенка. Итоговым понятием суррогатной матери может быть следующее: «женщина, заключившая договор о вынашивании плода после переноса донорского эмбриона и признаваемая матерью ребенка до его момента записи его генетических родителей в органах записи актов гражданского состояния».

Еще один вопрос правового статуса суррогатной матери связан с ее секундарным правомочием выдачи согласия на запись генетических родителей в качестве родителей ребенка в органах ЗАГС. Возникает вопрос о перечне должностных лиц медицинской (родильной) организации, которые вправе подписывать такой документ (согласие удостоверяется в справке, форма которой содержится в приложении б приказа № 803н). Для определения этого перечня целесообразно сравнить его с аналогичными (упомянутыми выше) перечнями должностных лиц, уполномоченных удостоверить волеизъявления граждан:

– для удостоверения доверенности, предусмотренной п. 3 ст. 185.1 ГК РФ, необходим такой субъект, как «администрация медицинской организации», что означает, что конкретно данное должностное лицо устанавливается в соответствии с уставом и иными внутренними документами этой организации;

– для удостоверения доверенности военнослужащего необходим начальник медицинской организации (абз. 2 п. 2 ст. 185.1 ГК РФ), его заместитель, старший врач, дежурный врач. Таким образом, в рассматриваемых случаях круг субъектов, уполномоченных удостоверить доверенности, сужен до четырех;

– для удостоверения подлинности волеизъявления (абз. 2 п. 1 ст. 1127 ГК РФ (о завещаниях лиц, находящихся в медицинских организациях)) необходимы: 1) главный врач; 2) заместитель главного врача по медицинской части; 3) дежурный врач. Таким образом, данный перечень ограничен лишь тремя категориями субъектов.

Однако необходимо учитывать, что во всех этих случаях удостоверяется непосредственно волеизъявление лица, тогда как в случае, предусмотренном п. 5 ст. 16 ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ, удостоверяется лишь «факт получения согласия» (а не волеизъявление – «согласие»). Так как ответ на вопрос, кем должен заверяться документ, удостоверяющий факт получения согласия матери на запись генетических родителей, законодателем пока не дан, оптимальным было бы закрепление данной функции за главным врачом, его заместителем, лечащим врачом и дежурным врачом, т. е. за ограниченным кругом должностных лиц.

Закрепление данного круга должностных лиц в Семейном кодексе РФ и регистрационном законодательстве ставит вопрос и о его коррупциогенности. В частности, возникает вопрос, не пожелают ли эти должностные лица использовать свои полномочия и объективно складывающееся к ним доверие со стороны суррогатной матери для склонения ее в ту или иную сторону (в сторону выдачи согласия или, напротив, в сторону отказа от выдачи согласия на регистрацию генетических родителей в органах ЗАГС). Этот вопрос также остается пока не урегулирован законодателем. С учетом междисциплинарного характера данного исследования возможным было бы предложить установление в Особенной части Уголовного кодекса РФ отдельного состава, противодействующего попыткам склонения суррогатной матери к безосновательному отказу от дачи согласия на регистрацию генетических родителей в органах ЗАГС или, напротив, к даче согласия на такую регистрацию. Например, данный состав мог бы быть включен в ст. 153.1 Уголовного кодекса РФ (под названием «Незаконное склонение женщины, родившей ребенка (суррогатной матери) к даче согласия или к отказу от дачи согласия на запись генетических родителей родителями ребенка») в следующей редакции: «Незаконное склонение женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), к даче согласия или к отказу от дачи согласия на запись генетических родителей родителями ребенка – наказывается...». Представляется, что включение данного состава расширит, без ущерба для статуса генетических родителей, правовой статус суррогатной матери в части ее гарантий на осознанный выбор при выдаче согласия на регистрационную запись их в качестве родителей в органах ЗАГС.

В завершение вопроса следует отметить, что в литературе все еще нет не только консолидированного подхода к правовому статусу участников ВРТ, но и подхода к самой структуре (составляющим) правового статуса. В целях совершенствования законодательной техники целесообразным представляется предложить следующую структуру правового статуса лиц, участвующих в процессе использования ВРТ:

- основания и порядок приобретения правового статуса участника отношений, возникающих по поводу использования ВРТ;
- права участника отношений по использованию ВРТ;
- обязанности, в том числе ограничения участника отношений по использованию ВРТ;
- гарантии участника отношений по использованию ВРТ;
- ответственность участника отношений по использованию ВРТ;
- основания и порядок прекращения статуса участника отношений по использованию ВРТ.

Данная структура, как представляется, в полной мере позволила бы закрепить нормативно-правовой статус каждого из участников. Наиболее близко к предлагаемой предложена структура Е. А. Долинской: «1) правовые основы его деятельности; 2) при каких условиях лицо становится субъектом (в первую очередь, речь должна идти о вопросах создания данного субъекта); 3) правосубъектность данного лица; 4) условия прекращения его деятельности» [23, с. 9]. Такой подход представляется более точным, чем предлагаемый А. В. Малько, в котором произошло смешение сразу многих правовых категорий: «а) основные права и обязанности; б) законные интересы; в) правосубъектность; г) гражданство; д) юридическая ответственность; е) правовые принципы; ж) правовые нормы, устанавливающие данный статус; з) правоотношения общего (статусного) типа» [24, с. 93]).

Однако в предлагаемой Е. А. Долинской структуре содержатся некоторые логические повторы. В частности, правосубъектность (третий элемент) в статусе может рассматриваться как способность лица приобретать правовой статус, т. е. становиться субъектом соответствующих отношений, а этот элемент входит в условия приобретения правового статуса (во второй элемент). Поэтому вместо правосубъектности предлагается закрепить в качестве элементов статуса ее содержание: права, обязанности, ответственность. Кроме того, сомнения в структуре данного статуса вызывает п. 1, поскольку источники правового регулирования статуса должны быть внеположены по отношению к его содержанию, т. е. находиться вне содержания правового статуса и устанавливать его.

Заключение

Анализ складывающихся в сфере ВРТ отношений с точки зрения теории правового статуса позволяет выявить дисбаланс между реально складывающимися при использовании ВРТ общественными отношениями, с одной стороны, нормативными определениями понятий и содержанием правовых статусов участников этих отношений – с другой. Это касается и статуса потенциальных родителей, и статуса суррогатной матери, и статуса медицинской (родильной) организации. Для потенциальных родителей такое положение дополнительно вызвано отсутствием не только систематизации, но даже типизации их прав и обязанностей, так как они в значительной мере определяются в договорном порядке. Однако приоритетным представляется изменение самого построения регулятивных норм: необходимо исключить из подзаконных правовых актов дополнительные ограничения прав граждан в применении ВРТ, не установленные законодательно, либо, напротив, закрепить их в федеральном законодательстве.

В целях совершенствования законодательной техники целесообразным представляется предложить следующую структуру правового статуса лиц, участвующих в процессе использования ВРТ:

- основания и порядок приобретения правового статуса участника отношений, возникающих по поводу использования ВРТ;
- права участника отношений по использованию ВРТ;
- обязанности, в том числе ограничения участника отношений по использованию ВРТ;
- гарантии участника отношений по использованию ВРТ;

- ответственность участника отношений по использованию ВРТ;
- основания и порядок прекращения статуса участника отношений по использованию ВРТ.

Список источников

1. Власти оценили динамику рождаемости в России до 2026 года // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/10/2023/651a95509a7947addf136c31?ysclid=mibw8183bg676371464>
2. World Population // NationsGeo: [сайт]. URL: <https://nationsgeo.com/population/>
3. Численность населения мира в 2025 году // Вести. 06.10.2025. URL: <https://www.vesti.ru/article/4720194>
4. Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615-п // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1312101629?ysclid=midb6xufa2847106081>
5. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) (посл. ред. от 13.05.2004 № 14) (утратила силу с 16.03.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/
7. Конституция Российской Федерации. Принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными Всенародным голосованием от 01.07.2020 г.) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (посл. ред. от 17.11.2025 № 424-ФЗ) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/-9f906d460f9454a8a0d290738d9fc2798c1e865a/
9. Об установлении потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери: Постановление Правительства РФ от 31.05.2023 № 882 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448592/
10. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) (утратил силу) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142595/
11. Лавринович О. Е. Сохранение фертильности онкологических больных. Санкт-Петербург: НМИЦ онкологии им. Н. Н. Петрова, 2022. 80 с.
12. Торосян Р. А. Конституционное регулирование запрета дискриминации мужчин в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 2017. 236 с.
13. Алборов С. В. Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2018. 243 с.
14. Фомина С. В. Государственные гарантии как элемент правового статуса государственных служащих // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 52.

15. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. 8-е изд., изм. и доп. Москва: Норма, 2009. 800 с.
16. Мирсайев Х. С. Проблемы взаимоотношений родителей и детей в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Душанбе, 2015. 191 с.
17. Худякова О. Ю. Установление происхождения детей по законодательству РФ и США: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2009. 210 с.
18. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/
19. Елизарова И. А. О суррогатном материнстве в Российской Федерации // Вестник института законодательства и правовой инициативы им. М. М. Сперанского. 2014. № 3. С. 7–12.
20. Титлянова Е. В. Правовой статус донора гамет и эмбрионов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 7. С. 172.
21. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (посл. ред. от 23.03.2026 № 68-ФЗ) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
22. Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (посл. ред. от 11.02.2026 № 22-ФЗ) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/
23. Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–19.
24. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. Москва: Юрист, 2004. 245 с.

References

1. Authorities estimated the birth rate dynamics in Russia until 2026. *RBC: [website]*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/10/2023/651a95509a7947addf136c31?ysclid=mibw8183bg676371464>
2. World Population. *NanionsGeo: [website]*. URL: <https://nationsgeo.com/population/>
3. World population in 2025. *Vesti*. 06.10.2025. URL: <https://www.vesti.ru/article/4720194>
4. On approval of the Action Strategy for the implementation of family and demographic policy, support for large families in the Russian Federation until 2036: Order of the Government of the Russian Federation dated March 15, 2025 No. 615-r. *Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/-1312101629?ysclid=midb6xufa2847106081>
5. Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948). *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
6. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 04.11.1950) (last amended on 13.05.2004, No. 14) (repealed effective 16.03.2022). *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/
7. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended by popular vote on July 1, 2020). *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
8. On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ (last amended on November 17, 2025 No. 424-FZ). *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/9f906d460f9454a8a0d290738d9fc2798c1e865a

9. On establishing potential parents as the genetic mother and genetic father, as well as a single woman as the genetic mother: RF Government Resolution No. 882 of May 31, 2023. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448592/
10. On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions to their use: Order of the Ministry of Health of Russia dated August 30, 2012 No. 107n (as amended on February 1, 2018) (no longer in effect). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142595/
11. Lavrinovich O. E. Fertility preservation in cancer patients. St. Petersburg: N. N. Petrov National Medical Research Center of Oncology; 2022. 80 p.
12. Torosyan R. A. Constitutional regulation of the prohibition of discrimination against men in Russia: dis. ... Cand. Sci. (Law): 12.00.02. Saratov; 2017. 236 p.
13. Alborov S. V. Legal and Individual Regulation of Surrogacy: dis. ... Cand. Sci. (Law): 12.00.03. Moscow; 2018. 243 p.
14. Fomina S. V. State Guarantees as an Element of the Legal Status of Civil Servants. *Journal of Russian Law*. 2007; (4): 52.
15. Baglai M. V. Constitutional Law of the Russian Federation. 8th ed., amended and supplemented. Moscow: Norma; 2009. 800 p.
16. Mirsayev H. S. Problems of Relationships between Parents and Children in International Private Law: dis. ... Cand. Sci. (Law): 12.00.03. Dushanbe; 2015. 191 p.
17. Khudyakova O. Yu. Establishing the Origin of Children under the Legislation of the Russian Federation and the USA: dis. ... Cand. Sci. (Law): 12.00.03. Moscow; 2009. 210 p.
18. On the Application of Legislation by Courts When Considering Cases Related to Establishing the Origin of Children: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.05.2017 No. 16 (as amended on 26.12.2017). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/
19. Elizarova I. A. On surrogacy in the Russian Federation // *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Initiative named after M.M. Speransky*. 2014; (3): 7–12.
20. Titlyanova E. V. Legal status of a gamete and embryo donor // *Actual problems of humanitarian and natural sciences*. 2012. No. 7. p. 172.
21. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 No. 223-FZ (last amended on 23.03.2026 No. 68-FZ). *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
22. On acts of civil status: Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ (last amended on 11.02.2026 No. 22-FZ). *ConsultantPlus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/
23. Dolinskaya V. V. Legal status and legal personality. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2012; (2): 6–19.
24. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law. Moscow: Jurist; 2004. 245 p.

Информация об авторе:

Пурге Анна Роландовна, д-р юрид. наук, профессор каф. теории и истории российского и зарубежного права Института права, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, <https://orcid.org/0000-0003-4865-5551>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/170-185>

EDN: <https://elibrary.ru/OBZZSH>

Дата поступления:
04.05.2026

Одобрена после рецензирования:
22.05.2026

Принята к публикации:
25.05.2026